

Мас. 1006

у Пугачева
вспомогательный

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

НЕЧТО О СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЕТРИСТИКЕ И КРИТИКЕ.

А. Чеснов. «Ариадна». Размышления Русская Мысль. Декабрь.

1.
Вот кажется, согласны (срочно вышло) либеральным «партиянам», которые, писая статьи «жестокости» моды про уму Молчанова, про душу Селозубова—про уму Потапенки, про душу Барашевича—все согласны что современная беллетристика наша находится в жалком положении. На самом деле случаи оная замечаются переизданием старого, чаще всего научного, покаяния Тургенева, и именно его цитируют ссыла, так как это очень легко делать, иногда покаяния Толстому, так как это труднее. Находятся и такие (его русские то беллетристика) которые покаяются Золе или Мопассану.

На этот раз ссылаются оны беллетристика у нас беллетристика, ссылаются точками выступать для действительного талантливого писателя—гг. Чеснов и В. Короленко. Замечали было оны время о глг. Мануэла и главным образом внимание критики и любителей словесности привлекли ее три Мимолета. Я обо этих Мимолетах не писал, ибо, вооружив магию много, ничего особенного из этих Мимолетов не вижу. И по содержанию, и по тому, и по отношению автора к своим персонажам из них, это—старая погуля на новый лад, и только. Если говорить о глг. Мануэла, то уже писал не обо ее Мимолетах, а обо ее Зарницах. Огнотех Зарница действительно появилась (или-то) ссыла, но весь роман изданный столь хитро, что не может провозгласить писателя. И действительно, Зарница обратила на себя внимание не только Мимолетов того же автора. Оно и понятно. Если взять сравнение из области театра, то можно сказать что Зарница—игра хит и похитствования, но ровная и законченная, из Зарниц не игра хотя и талантливая, но неровная, не законченная. А из таких-то написанному «большую публику» всегда большее впечатление производит картина хотя бы и малодовная, но законченная, нежели талантливая, но хаотический набросок.

Итак, если наших современных беллетристов можно назвать только за внешн. гг. Чеснов и Короленко. В действительности этих авторов много не существует. Иначе это является уже странннм. В действительности последних выдвинул многозначительный словарь Брокгауза и Ефремова статью о г. В. Короленко, принявшую перу г. Венгерову, который, если не ошибаюсь, ссыла

статье в рецензии литературного отдела этого словаря. В этой статье г. Венгеров, между прочим, говорит что, по его мнению, «самый обстоятельный критический взгляд о Короленке принадлежит Ю. Наполеву»—то есть известному из строки—и говорит обо этом г. Венгеров с изысканным изумлением, ибо тут же прибавляет:—«Ю. Наполеву, известному своему мнению по всему либеральному».

Эти слова г. Венгерова меня очень поразили. Очевидно, они плохо читали или плохо поняли то что я писал о писателе либеральном. Сильно удивил почтенного критика, что возмущения по всему либеральному я вовсе не питаю, и если не сочувствую и изюга, даже в самой ранней молодости моей, не сочувствовал этому образу мыслей, то просто потому что находил в нем своего рода ложность, этого образа мыслей, не только тогда, и я старался возвать засады вопроса о либерализме из своих статей. И очень мало что наши либеральные писатели, подобно г. Венгерову, знают не могут понять много отношения к закону, и к образу мыслей, или не раздвинутому, в том отношении неясности. Неясности—плохой учитель, и если бы знал мало, то она могла бы вести к постижению истины, а именно, к уму партийности взгляда, от которой уже одна шаг до раздвинутого к истины. Станут считать уже не истины, а оправдание и подкрепление партийных взглядов. А отсюда не далеко до того заблуждения, что цель оправдания средств, и что, следовательно, можно стесняться в выбор этих средств.

Теперь нам становится понятнее на первый взгляд несколько несогласные изумление г. Венгерова. В самом деле г. Короленко причисляют, да кажется и сами оны себя причисляют, к так называемому либеральному лагерю. И вот писатель, которого причисляют к так называемой консервативной партии, пишет, по мнению г. Венгерова, «самый обстоятельный критический взгляд о Короленке», относясь к произведениям этого автора с большим сочувствием, старается внимательно выискивать в них смысл и обнаруживать истинное их значение. Как же не удивляться! С точки зрения г. Венгерова, с точки зрения той «партийной дисциплины» которую он принимает руководствоваться, оно выходит, действительно, что то не совсем понятное. А эта традиционная «партийная дисциплина», остается во всей своей силе и теперь. Ирий обращаясь к нему в ходит в следующее разннх Достоевского (из Дневника Писателя, за 1873 г.). Когда вышло Преступление и Наказание из журналу Новороссаво обругали этот роман. При встрече с Достоевским Некрасов объяснял ему почему так случилось. Критик, писавший о романе, назвал Некрасова так: «Роман

его короче, во так как он из какой-то слои (пока не писали) Чернышевского, то в обругали его роман».

Вот легенда «партийной дисциплины». Очевидно, вероятно, что Достоевский и не умел считаться с Чернышевским, что все это была суета,—не знаю не в то, а в «партийной» легенде. Для всякого очевидно, что это легенда выдуманная, но даже наша журналистика всегда ею руководствовалась и руководствуется. На память критика на глг. Венгеров и те партийные приемы прилагались по отношению к Тургеневу, Достоевскому, Толстому—и в этом источник так великого влияния критика в нашей либеральной журналистике. Но если так, то писатель, называвшийся партийным писателем, если он произвел все перебранный и перебранный, и все большее значение и влияние на приобщения критика, и отсюда, то на небольшие дарования эти «партийная дисциплина», этот страх отступить от традиционных партийных взглядов—на небольшие дарования все это действительно пагубно.

Теперь г. Венгерову, может быть, станет ясно, почему так много в произведениях г. Венгерова. Маз этот писатель, по образу мыслей г. Короленко, и мысли его интересуют нас, по существу, поскольку она объясняет его беллетристические произведения: или значит, что все объяснение мыслей, а его партийные и характерные этого периода, для него не были художественными, или его произведение не либеральное или консервативное, или нечто среднее. Вот почему, если писатель либеральный, консервативный и т. д. образ мыслей, то он должен хорошо писать, и сказать что он хороша, и наоборот, если писатель консервативного образа мыслей, то он должен плохо писать, и сказать что он плохо. Иначе, каков результат, и не только стесняется из произведений искусства, но и стесняется восторженными соображениями восторженными искусству, будет прямо небрежностью...

II.

Потом, из современной беллетристики заслуживают внимания только произведения гг. Чеснов и Короленко. Но если на раздвинутого из дарований талантливых с весьма странными явлениями. Эти писатели не только не идут вперед, а как бы идут назад. Далеко и у большинства талантливых случаев превращение слабых талантов в сильных, отразившись на их произведениях,—но тут же то. Обыкновенно талантливые таланты такой степени нашего ослабления еще не достигли, и находятся в еще высшей степени: прочь того, и в период как бы из которого ушла творческая эта

Но оставим г. Короленко и обратимся только к г. Чехову, так как и речь наша — по поводу его последнего разглаза, озаглавленного *Атаман*.

Разница только в том, что у Тургенева дано глубинное знание русского достоинства этого "среднего сорта" молодого человека, малоулыбчивого, жмущего горло, более интеллигентно бесчеловечный жестокое равнодушие и сердцеиз. у г. Чехова его молодой человек мыслит совершенно по-иному. Точно также у Тургенева: *создан тургеневский антураж* — раскраской молодости, улыбки и хв-

шени не показало, а разуме не
повиновало, — вы поистине обращаете
просто в пылкий алексит...
Рассказ *Григория* является явным
шагом привнесения для Чехова не-
редельно в его творчество совер-
шается, хотя бы странно что невоз-
можно приходить в разговоре очень гру-
стных мыслей о значении этого «про-
лога»...

Ю. НИКОЛАЕВ

тис
гои
нош
в
по
ва
уа
во
доб

ст
ми
си
см
та
бо
чу
чи
ба
см
ши
ла
ко
па
во
лу
ро
не
ты
со
шо
бе
чи
на
шо
до
ча
бу
ме
ин
пи
ша
да
об
из
ос
до
че

ти
де
ви
ви
ли
кс
не
ея
ни
ри
ди

то
по
но
и
о
р